

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

А. Д. Новичев

ФУАД-ПАША — ТУРЕЦКИЙ РЕФОРМАТОР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ 50—60-х годов XIX в.

После Крымской войны, в 50—60-е годы XIX в. в Османской империи, по удачному выражению посла в Константинополе А. П. Игнатьева, власть находилась в руках дуумвирата из Али-паши и Фуад-паши. Оба эти выдающиеся турецкие государственные деятели были продолжателями реформ Танзимата, инициатором которых был их учитель Мустафа Решид-паша. Личность, политические идеи и деятельность последнего освещена автором в «Истории Турции» (т. III). Краткие сведения о его названных учениках содержатся в т. IV. Специальная статья об Али-паше опубликована нами в 1977 г.¹ В настоящей же публикации мы попытаемся дать представление о личности, политических взглядах и реформаторской деятельности Фуад-паши.

Фуад-паша родился в 1815 г. в семье, принадлежавшей к высшему слою господствующего класса Турции. Его отец одно время даже занимал пост великого везира, однако в 1828 г. он впал в немилость к султану Махмуду II, был сперва сослан в захолустный городок Сивас в Малой Азии, а в следующем году по приказу султана отравлен. Лишившись рано отца, Фуад, обучавшийся в медресе, где изучал теологические предметы, арабский и персидский языки, сразу потерял все преимущества своего знатного происхождения и вынужден был сам позаботиться о своем будущем. Оставив медресе, Фуад поступил в медицинское училище, открытое при Махмуде II в Стамбуле, в котором преподавали французы. Это позволило Фуаду изучить французский язык, наиболее употребительный тогда в дипломатическом мире и самый распространенный из иностранных в Османской империи.

В училище Фуад приобрел специальность хирурга. По его окончании он три года (1834—1837) проработал военным врачом в г. Триполи (Сирия). Честолюбивый Фуад, однако, вскоре убедился, что на этом поприще он не обеспечит себе ни высокого положения, ни материального благополучия. На опыте ряда своих сверстников и видных сановников он понял, что путь к карьере

лежит через переводческое бюро при министерстве иностранных дел. Используя свои, хотя и скромные, знания французского языка, Фуад стал добиваться должности в это бюро. Благодаря протекции одного шейха, который был знаком с министром иностранных дел Мустафой Решид-пашой, это ему удалось².

Уже в переводческом бюро Фуад обнаружил большие способности ориентироваться в государственных делах, усовершенствовал свои знания французского. Он быстро стал подниматься по служебной лестнице. 26 лет от роду, в 1841 г., он был направлен на службу в турецкое посольство в Лондоне, где пробыл три года. В 1845—1852 гг. он возглавил несколько ответственных дипломатических миссий, занимал высокие должности в турецких посольствах в Париже и Лондоне. В 1852 г. Фуад-бей был впервые назначен министром иностранных дел, что обеспечило ему титул паши. С тех пор он в течение 17 лет до самой своей смерти пять раз занимал этот пост и дважды (в 1861—1866, с небольшим перерывом) — пост великого везира и одновременно сераскера, т. е. командующего крупным войсковым соединением³. Он был также первым председателем обновленного в 1854 г. Высшего совета по реформам.

Находясь на дипломатической службе во Франции и Англии, Фуад-паша знакомился с государственными учреждениями, экономикой, культурой, идеями, бытом и другими сторонами жизни названных стран, в первую очередь Франции. Современный американский историк Танзимата Р. Н. Дэвисон верно отметил, что Фуад-паша был продуктом трех важных процессов просвещения в Турции, которые были представлены медицинским училищем, переводческим бюро и турецкими посольствами в западных странах: в этих учреждениях он получил хорошее знакомство с Западом, которое привело его к мысли о необходимости европеизации Турции⁴. По мнению современника паши — прусского дипломата в Стамбуле Мордтмана, зенита своей карьеры Фуад-паша достиг в 1861—1866 гг.⁵.

Фуад-паша пользовался большой популярностью в политических кругах европейских столиц. Он был человеком талантливым, энергичным, решительным, общительным, остроумным. Представляет интерес и его взаимоотношения с другим лидером реформаторов, занимавшим первое место в управлении страной, — Али-пашой; оба были одновременно коллегами и соперниками. Они внешне отличались друг от друга: Али-паша был маленького роста, тщедушный и хилый. Фуад-паша — высокий, красивый, импозантный мужчина с тонкими манерами. Но с точки зрения государственной деятельности гораздо важнее было различие их деловых качеств и характеров. По словам Дэвисона, «коллега Али — Кечеджи Мехмед Фуад-паша был так непохож на него, что можно лишь выразить удивление, как они могли действовать вместе. Все же они прекрасно дополняли друг друга и рассматривались как

друзья и враги одновременно»⁶. Среди турецких сановников было распространено мнение, что Али-паша обладает качествами крупного политического деятеля, но лишен решительности и инициативы. Они считали Али-пашу больше кабинетным деятелем, чем человеком практики, и хотели, чтобы на посту главы правительства находился человек с характером Фуад-паши⁷.

По основным вопросам, касавшимся реформ, Фуад-паша придерживался тех же взглядов, что и Али-паша. В то же время они расходились между собой по таким важным аспектам, как глубина реформ, темпы их осуществления, отношение к старым, мусульманско-турецким правовым нормам, институтам и традициям, с одной стороны, и к заимствованию западноевропейских норм, институтов, обычаев в области права, государственного управления, экономики, культуры, быта и пр.—с другой. Фуад-паша был более прозападным, чем Али-паша, и более склонен к европеизации Турции.

Вместе с тем Али-паша, Фуад-паша и их единомышленники опасались распространения в Османской империи наиболее прогрессивных идей западных мыслителей, особенно среди угнетенных народов, страдавших под османским гнетом. Под значительным влиянием этих идей на Балканах среди немусульманских народов все шире развивалось освободительное движение, усилилась борьба за независимость. Лидеры реформ Танзимата были убеждены, что предоставление равных прав немусульманам поможет им погасить национально-освободительные движения на Балканах, нейтрализуя проникающие туда прогрессивные веяния, и тем самым избежать вмешательства держав в отношения между турецкими властями и немусульманскими народами и предупредить дальнейший распад Османской империи.

Как и Али-паша, Фуад-паша придавал большое значение проведению в жизнь широко пропагандируемого ими принципа равенства перед законом мусульман и немусульман; в то же время они решительно настаивали на сохранении господства турок. Однажды при встрече с английским послом в Стамбуле Стратфордом Каннингом Фуад-паша в следующих словах высказал свое политическое кредо: «Османская империя зиждется на четырех основах, наличие которых позволяет управлять государством и продвигаться вперед, нехватка любого из них делает невозможным управление им. Эти четыре основы — мусульманская община (миллет), турецкое государство, Османская династия и столица Стамбул»⁸.

Таким образом, по главному вопросу о государственном строе, тесно связанному с проблемой реформ, Фуад-паша придерживался в целом консервативных взглядов. Он высказывал твердое убеждение, что турки по-прежнему должны господствовать в империи с династией Османов во главе, не помышлял о каком-либо участии немусульманских народов в центральных органах власти. Как видно из сказанного, идеи Фуад-паши о четырех основах, на

которых покоится и должна покоиться власть в империи, в корне расходились с его высказываниями о равенстве мусульман и немусульман.

Отстаивая власть Османской династии над страной, Фуад-паша вместе с тем стремился избавить Порту от повседневного вмешательства в ее дела султана Абдул Азиза и дворцовой камарильи. Он указывал на то, что вызванные таким вмешательством частые и неожиданные отставки и назначения министров и великих везиров лишали правительство стабильности и не давали ему возможности справиться с огромными трудностями, которые переживала Османская империя. В тех случаях, когда Фуад-паша занимал пост великого везира, он старался изолировать султана от государственных дел. С этой целью он сосредоточил в своих руках функции нескольких министров, в том числе и самые сложные — финансовые; при султанине во дворце он расставил своих доверенных лиц (в их числе был даже главный имам султана — башимам)⁹.

Добиваясь ограничения султанского произвола, Фуад-паша в то же время не покушался на сам принцип самодержавия. В этом отношении он и Али-паша отошли от главного принципа своего учителя Мустафы Решид-паши, который считал, что превыше власти султана — закон; ему обязан подчиняться и сам султан.

Для характеристики взглядов Фуад-паши большое значение имеют его отношение к исламу и высшему мусульманскому духовенству. На первое место в качестве опоры Османской империи, как уже было отмечено, Фуад-паша ставил мусульманскую общину; ее господствующей идеологией и руководством во всех сферах жизни он объявлял ислам. Вместе с тем он остро критиковал консерватизм духовенства, особенно высшего слоя — улемов, за его отрицательное отношение к реформам. Вопреки утверждениям улемов, что предлагаемые и проводимые реформы противоречат мусульманской религии, Фуад-паша доказывал, что они вполне согласуются с основополагающими нормами ислама. Улемов Фуад-паша называл носителями невежества. Он считал необходимым модернизацию ислама, догмы которого в течение веков оставались неизменными. «Ислам,— сказал он издателю официальной газеты „Ля Тюрки“,— в течение веков был в своей среде чудесным орудием прогресса. В настоящее же время он напоминает часы, которые отстают и требуют завода»¹⁰.

В своей личной жизни Фуад-паша нередко пренебрегал мусульманскими нормами и обычаями. Еще в 1845 г. тридцатилетний дипломат, находясь в Мадриде в составе турецкой миссии, захотел осмотреть католический собор. Священник предупредил его, что придется снять феску. Фуад ответил, что он готов это сделать, хотя такой поступок противоречит нашему воспитанию. «Ни в мечетях, ни даже перед падишахом,— добавил он,— мы фески не снимаем»¹¹. Несмотря на религиозный запрет, Фуад-паша украсил

свой сад при доме статуями. За подобные нарушения исламских догм мусульманские контерваторы прозвали его вольтеррианцем¹².

В то же время он не чурался многоженства. Однажды на одном аристократическом приеме в Лондоне некая знатная англичанка спросила пашу, сколько у него, мусульманина, жен. «Две, — ответил он, — как и у вашего мужа; только он одну скрывает, а я нет»¹³. Однако у Фуад-паши был гарем.

Как пример остроумия и находчивости Фуад-паши в дипломатических кругах циркулировал рассказ о таком эпизоде. На балу, устроенном пашой в своем дворце, жена одного западного посла, пожелавшая быть представленной жене паши, направилась в его гарем. Излишне любопытный атташе посольства ее мужа вызвался ее сопровождать, но Фуад-паша остановил его у двери в гарем, сказав: «Сударь, вы аккредитованы только при Порте», т. е. при правительстве Турции. Это правительство в обиходе называли французским словом *Porte*, означающим «дверь». Фуад-паша остроумно использовал игру слов¹⁴.

Для определения идейных и политических взглядов Фуад-паши, как и Али-паши и их единомышленников, наибольшее значение имеет их отношение к национально-освободительным движениям угнетенных народов Османской империи. Выше мы упоминали об их теоретических высказываниях в пользу равенства между мусульманами и немусульманами. Тем не менее они во имя сохранения целостности Османской империи и продолжения жестокой эксплуатации угнетенных народов самым суровым образом подавляли национально-освободительные движения, как и недовольство властями, если его проявляли даже мусульмане-нетурки. Еще в 1854 г. Фуад-паша жестоко подавил греческое восстание в Эпире. Так же действовал и Али-паша, подавляя греческое восстание на о-ве Крит в 1861 г. Некоторые современные турецкие историки, желая отметить достоинства Фуад-паши как руководителя и государственного деятеля, подчеркивали, что паша, не раз показавший себя крупным дипломатом, при усмирении критских повстанцев (значительно уступавших туркам в численности и вооружении) обнаружил также качества «выдающегося полководца»¹⁵.

Не менее жестоко действовал Фуад-паша в 1860 г., тогда министр иностранных дел, при подавлении междоусобицы между друзьями и маронитами в Горном Ливане и Сирии. Снабженный чрезвычайными полномочиями, имея в своем распоряжении отборные части регулярного войска, Фуад-паша учинил кровавую расправу над друзьями; он казнил также 167 турецких офицеров и чиновников, служивших в Сирии, за то, что те не приняли решительных мер для прекращения войны между маронитами и друзьями и не наказали участников маронитских погромов¹⁶. В 1858 г. при обсуждении на международной конференции вопроса о создании единой Румынии в соответствии с решением Парижской

мирной конференции в 1856 г. Фуад-паша всячески противился объединению Молдавии и Валахии в единое государство¹⁷.

Всеми доступными ему средствами Фуад-паша стремился устранить угрозу утраты Османской империей владений на Балканах. Но он понимал, что турецкое правительство уже не в состоянии силой заставить угнетаемые им народы примириться со своим положением и отказаться от борьбы за свою независимость; это было убедительно доказано восстаниями на Балканах в 50—60-х годах XIX в. Все ошутимее становилось и вмешательство западных держав и России в отношения между Портой и ее христианскими подданными. События на Балканах грозили Турции международными осложнениями.

Фуад-паша выражал беспокойство не только по поводу волнений на Балканах. Он высказывал опасения, что армяне и греки, преобладающие в турецкой торговле, а также в других экономических сферах, благодаря знаниям и опыту, которыми они обладают, займут господствующее положение и в административном аппарате. В своем «Политическом завещании» он высказал мысль о «слиянии» армян и греков с турками; очевидно, за этой идеей скрывалось стремление ассимилировать оба эти национальные меньшинства.

Фуад-паша усматривал решающее средство, которое обеспечит развитие Турции по пути всестороннего прогресса и сохранение власти в руках турок, в распространении среди них светского образования. Эту и другие политические идеи он широко излагает в упомянутом «Завещании». Первые издатели этого исторического документа назвали его «Политическим завещанием» (по-турецки: *Vasiyetname-i siyasi*). Оно представляет собой письмо султану Абдул Азизу, написанное пашой в Ницце незадолго до его смерти в феврале 1869 г. Впоследствии «Завещание» было опубликовано в европейской прессе, а в 1896 г. и на русском языке в переводе с французского¹⁸. С первых же месяцев после опубликования «Завещания» и до нашего времени происходят дискуссии по вопросу о его подлинности, так как оригинал отсутствует¹⁹. Вместе с тем исследователи документа признают, что независимо от его подлинности он наиболее полно отражает взгляды Фуад-паши, притом в том виде, в каком они сложились к концу его жизни.

«Завещание» начинается со следующей фразы: «Государь! Мне остается жить несколько дней, быть может, несколько часов. Их я хочу посвятить исполнению священного долга. Я хочу положить к подножию Вашего высочайшего трона выражение моих последних дум. Грустные эти думы, горький плод долгой и несчастной карьеры!» Фуад-паша обращается к султану с просьбой выслушать его без недоверия и призывает «проникнуться великой и горестной истиной. Империя Османов в опасности. Быстрые успехи наших соседей и непостижимые ошибки наших предков поставили нас в положение до крайности критическое. Дабы предотвра-

тить ужасную катастрофу, Вашему величеству необходимо порвать с прошлым миром и вести нас к новым судьбам»²⁰.

В «Завещании» подвергаются резкой критике «невежественные патриоты-консерваторы», которые уверяют султана, «будто мы нашими старыми средствами можем восстановить наше былое величие. Пагубное заблуждение! Непростительное ослепление!.. Увы, наши соседи совсем уже не таковы, какими они были два столетия назад. Все они шли вперед, и все оставили нас далеко позади... Ныне для того, чтобы удержаться в Европе, Вы должны стоять в уровень не с предшественниками Вашими, не их должны превзойти, а должны сравняться с Вашими теперешними соседями и с ними тягаться. Чтобы лучше уяснить мою мысль, я скажу, что империя Ваша обречена под страхом смерти иметь столько денег, сколько у Англии, столько просвещения, сколько во Франции, и столько солдат, сколько в России. Для нас задача состоит уже не в том, чтобы велик был наш прогресс, а, коротко и просто, чтобы он был равен прогрессу народов Европы».

Как же добиться осуществления этой огромной и труднейшей задачи? Посильна ли она для Турции? Обладает ли она необходимыми для этого ресурсами? Фуад-паша отвечает на эти вопросы положительно. Он высказывает уверенность, что «наша великолепная империя предоставляет Вам все элементы для того, чтобы превзойти любую из европейских держав... Дабы достигнуть этого, одно безусловно необходимо. *Мы должны преобразовать все наши политические и гражданские учреждения. Многие законы, полезные в века прошедшие, сделались вредными в наш век. Совершенствующийся человек обязан непрестанно работать над усовершенствованием создаваемого им*» (курсив наш.— А. Н.) Последняя мысль, по нашему мнению, является основополагающей политической идеей Фуад-паши; она и выдвинула его на первое место среди реформаторов — его современников.

Как уже говорилось, самыми сильными и влиятельными противниками реформаторов, и прежде всего Фуад-паши, были представители духовенства, прежде всего высшего. Поэтому в «Завещании» он резко критиковал их консерватизм, а с другой стороны, старался всячески доказать, что реформы вполне совместимы с исламом, — даже пытался, отстаивая реформы, опереться на мусульманскую религию. Фуад-паша писал, что ислам, более чем любая другая религия, свободен «от всяких пут и непогрешимых правил», он даже «налагает на нас обязанность идти вперед, развивать до бесконечности наши интеллектуальные способности, искать света не в Аравии (родине ислама.— А. Н.), не у мусульман только, но и в чужих краях, хотя бы в Китае, до самых отдаленных стран земли... Исламу принадлежит всегда всякое полезное открытие, все новое в области знания, из какого бы места это ни исходило, от язычников или от мусульман, из Медины или из Парижа».

Развивая далее свою основную мысль, Фуад-паша писал: «Я утверждаю с самым искренним убеждением, что во всех новых учреждениях, которые мы видим в Европе, нет ничего, абсолютно ничего противного духу нашей религии. Я клянусь Вам, что благо ислама требует, чтобы мы неотложно заимствовали эти великие учреждения, без которых не может долее жить ни одна держава в Европе».

Фуад-паша не дает программы использования европейского опыта. «Это великое дело нашего возрождения,— говорится в „Завещании“,— захватывает множество вопросов, разработка коих потребовала бы больше сил, чем я имею, и больше времени, чем мне осталось жить». Он рекомендует султану полностью довериться «выдающемуся человеку, которого я был другом и братом», т. е. Али-паше. При этом он все же выделяет три области — органы юстиции, строительство дорог и просвещение. Последнее паша рассматривает как «единственный базис всего социального прогресса». Противников реформ он характеризовал как людей, стремящихся «остановить движение нашего общества»; сами они «далеко не мусульмане, они не более как неверные безумцы».

Нельзя не поражаться той смелости мысли и политической отваге, которые демонстрирует в изложенном документе его автор. В условиях царившего тогда реакционного режима мракобеса султана Абдул Азиза, всесильного влияния духовенства даже такой уважаемый государственный деятель, как Фуад-паша, рисковал всем. Конечно, «Завещание» представляет собой личное письмо султану, написанное перед смертью, притом не в Стамбуле, а в Ницце. Однако документ суммирует взгляды, которые он до этого высказывал публично; и не только взгляды, но и дела.

В оценке этих дел расходились даже современники, наблюдавшие их с близкого расстояния и общавшиеся с Фуад-пашой. Так, посол России в Стамбуле в 1864—1874 гг. Н. П. Игнатьев приводит в своих «Записках» выдержку из меморандума своего министерства иностранных дел от 6 апреля 1867 г., которая гласила: «Все европейские кабинеты единодушно признают, что эти реформы (реформы Танзимата, Гюльханейский хатт и хатт-и хумайюн 1856 г., из которых последний резюмирует программу.— А. Н.) не проводились искренне в жизнь»²¹.

Н. П. Игнатьев особенно подчеркивал роль Фуад-паши, которого он называл «главным инициатором реформ, предприимчивый ум которого дополнял слишком осторожного великого везира» (Али-пашу.— А. Н.). По мнению русского посла, ловкой политикой, «помпезной декламацией» о новой эре либерализма, якобы открытой административными, экономическими и другими реформами, дуумвират стремился добиться благоприятной для Турции перемены в западноевропейском общественном мнении²².

Такая поверхностная точка зрения на реформы Танзимата была широко распространена в правящих кругах России, обнаружи-

вая непонимание сложных внутренних и внешних условий, которые вызвали настоятельную необходимость в реформах.

В. И. Ленин, определяя понятие «реформа», писал: «Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, „этап“ к лучшему»²³. О реформаторах нужно судить по тому, что нового и прогрессивного они дали по сравнению со своими предшественниками²⁴.

После Крымской войны и до начала 70-х годов XIX в. был принят ряд важных правовых актов, в том числе закон о земле, окончательно ликвидировавший пережитки военно-ленной системы и остатки класса сипахиев и расширивший возможности вовлечения земли и ее продукции в рыночные отношения. Добавим, что этот закон, распространявшийся главным образом на государственные земли и на часть вакуфных земель, изымал их из юрисдикции шариятских судов и действия соответствующих правовых норм.

Прогрессивное значение имели также уголовный и гражданский кодексы, закон о вилайетах, судебные реформы, расширившие сеть светских судов и их компетенцию, коммерческое законодательство, реформы в области просвещения, культуры и др. Благодаря реформам увеличилось число грамотных и образованных (в светском смысле) людей из турок, ускорились вызревание и формирование турецкой интеллигенции.

Осуществлению реформ препятствовали влиятельные государственные деятели феодального или полуфеодального типа, могущественное и богатое духовенство. Следы влияния этих реакционных сил можно увидеть на всех крупных актах реформ. Особенно прочно идея неприятия реформ удерживалась в мышлении широких масс мусульман, которых изуверы и фанатики ислама нередко подстрекали на погромы христианских подданных султана. В немалой степени реакционной мусульманской идеологией, а также ограниченностью политических идей самих реформаторов объясняется то, что в целом реформы Танзимата мало затронули экономические, политические и идеологические основы феодальной и полуфеодальной Османской империи и в еще меньшей степени способствовали ликвидации ее главной внутренней проблемы — национально-религиозной.

На проведении в жизнь реформ сказывалось и вмешательство западных держав в пользу христианских подданных султана. Первенствующая роль в этом принадлежала России, продолжавшей и после Парижского мирного договора 1856 г. выступать против политики статус-кво западных держав, за удовлетворение национально-освободительных чаяний угнетенных балканских народов. Это вмешательство держав давало новую пищу реакционерам в их подстрекательских действиях по натравливанию мусульманских фанатиков против реформ и их проводников — Али-паши и Фуад-паши.

С другой стороны, медлительность дуумвирата в проведении реформ вызывала недоверие к Порте у правительств западных держав, которое особенно усиливалось, когда в результате происков интриганов и по прихоти Абдул Азиза Али-паша и Фуад-паша были выведены на некоторое время из правительства (конец 1866 — начало 1867 г.) Пост великого везира занимал тогда Мехмед Рушди-паша. Но уже в январе 1867 г. он подал в отставку, заявив султану, что «только такие люди, как Фуад-паша, пользующиеся доверием Запада, могут добиться осуществления реформ»^{24а}.

Нам уже приходилось указывать на расхождения между Али-пашой и Фуад-пашой в вопросах о содержании реформ, темпах и методах их проведения в жизнь, об использовании западноевропейского опыта и др.²⁵. Тем не менее дуумвират нес совместную ответственность за внутреннюю и внешнюю политику Порты в годы, когда он находился у власти. Однако такие сферы деятельности, как финансы, транспорт, экономические связи с иностранцами, администрация, армия, почти целиком входили в компетенцию Фуад-паши. Наряду с этим он занимал выдающееся место в вопросах внешней политики и международных отношений Турции.

Современники Фуад-паши и последующие исследователи указывали как на успехи, так и на неудачи в его деятельности.

В 1861 г., когда вступивший на престол Абдул Азиз назначил Фуад-пашу великим везиром вместо уволенного в отставку Кыбрыслы Мехмед-паши, международное положение Турции не было еще омрачено какими-либо осложнениями, но сама империя находилась в состоянии кризиса. Сельское хозяйство, промышленность, финансы переживали упадок, армия и флот были поражены коррупцией, в администрации, судах господствовало взяточничество, центральные государственные и провинциальные органы власти были заполнены толпами невежественных, бестолковых чиновников, «едва соответствующих уровню негритянских государств; уровень просвещения масс был ниже, чем в Бразилии и Абиссинии»²⁶.

Несмотря на столь тяжелое положение империи, ее отсталость, Абдул Азиз тратил огромные суммы из государственной (но не личной) казны на создание «мощной» армии и большого флота. «Побуждаемый своими религиозно-политическими идеями,— писал А. Д. Мордтман,— он хотел восстановить былую силу и блеск наследия Османов и, в случае необходимости, вступить в войну со всей Европой чтобы доказать, что народ Мехмеда Завоевателя и Сулеймана Великолепного еще жив»²⁷. По его мнению, величайшая заслуга Фуад-паши, «за которую потомство ему обязано благодарностью, состоит в том, что он оказал значительное влияние на воинственные причуды слабого султана и мир в Европе не был нарушен. Его, пожалуй, следует благодарить за то, что Османское государство пока еще существует, так как султан серьезно на-

меревался после разгрома Черногории²⁸ объявить джихад всей Европе; последствия такой войны трудно предугадать»²⁹.

Мордтман, Миллинген и другие видят большую заслугу Фуад-паши как реформатора в разработке закона о вилайетах (Миллинген говорит о реорганизации территориальной системы управления в провинциях)³⁰. Фуад-паше приписывается и главная роль в учреждении в Турции Государственного совета (Şura-i Devlet или Devlet Şurası), учрежденного указом султана 5 марта 1868 г. Совет был призван «обсуждать все административные дела». В числе его основных функций предусматривалось также «изучение и подготовка всех проектов законов и постановлений». Совет был совещательным органом при великом везире и не имел права вмешиваться в дела исполнительной власти; его члены назначались указом султана.

Государственный совет был создан по настоятельной рекомендации послов западных держав, особенно французского. Некоторые современные турецкие историки высказали мнение, что он до известной степени носил характер Национального собрания (Э.З. Карал); другой источник — Орхан Алдыкачты рассматривает создание Государственного совета как большой шаг на пути к конституции 1876 г.³¹

Фуад-паша вознамерился показать султану Европу, ее цивилизацию, дабы привлечь его на сторону реформаторов. В 1867 г. впервые за всю историю Османской династии турецкий султан пересек границу своей империи с мирными целями. Но надежды великого везира, сопровождавшего Абдул Азиза в его поездке, оказались напрасными: Абдул Азиз вернулся в Стамбул с такой же ненавистью к европейцам и их порядкам, как и до поездки³².

Однако наиболее крупные неудачи потерпел Фуад-паша в своих попытках упорядочить государственные финансы — прежде всего изъять из обращения совершенно потерявшие свою ценность бумажные деньги (каймэ), стабилизировать турецкую валюту, восстановить к ней доверие, повысить доходы государства и привести в соответствие с ними расходы правительства, а также султанского двора.

Когда Фуад-паша приступил к своим обязанностям великого везира, он сразу же убедился в том, что империя находится на грани финансового банкротства. Он установил, что за время с 1855 до 1861 г. расходы казны превысили ее доходы на 334 тыс. кесе³³ (денежная единица, равная 500 пиастрам). Для изъятия каймэ из обращения требовалось 200 млн. пиастров, столько же было необходимо для погашения внутренних долгов. Между прочим, сам Фуад-паша, который перед этим «наводил порядок» в Сирии, на свою карательную экспедицию там истратил тоже 200 млн. пиастров³⁴. Таким образом, для удовлетворения срочных финансовых нужд государства требовалась огромная сумма — 600 млн. пиастров.

Фуад-паша взял в свои руки руководство финансами. Однако он был совершенно несведущ в этой области и, следуя по пути, проторенному его предшественниками, узрел якорь спасения в первую очередь в займах у крупных западных банкиров.

В докладе, представленном султану после ознакомления с состоянием финансов, Фуад-паша предложил срочно принять следующие меры: ежегодно составлять и публиковать бюджет государства, осуществлять экономию в государственных расходах, выявлять новые источники доходов, изъять каймэ из обращения, для урегулирования чрезвычайных долгов заключить внутренние и внешние займы, а также изыскивать и рекомендовать другие средства, необходимые для осуществления финансовой реформы.

Особенно настойчиво требовали регулярно составлять государственный бюджет европейские кредиторы Порты. Опасаясь за свои деньги, предоставленные ей в кредит, они требовали навести устойчивый порядок в государственных финансах.

Однако осуществить это на деле оказалось невозможным. Хотя и начали публиковать ежегодные таблицы доходов и расходов, они, по существу, ничего общего не имели с действительностью: бюджет, например, показывал даже превышение доходов над расходами. В значительной степени такое положение объяснялось хаотическим состоянием учета доходов и расходов, так как единого центрального финансового органа в стране не существовало; каждое министерство и ведомство само учитывало свои доходы и расходы, и Porta даже не знала их общей суммы по всей империи. Вообще статистический учет не был в чести ни в государственном аппарате в центре, ни в провинциях, так что правительство, например, не имело представления о размерах площадей обрабатываемых земель³⁵.

Фуад-паша попытался превратить министерство финансов в центральный орган, ведающий доходами и расходами всех министерств, которым, кстати, было запрещено самостоятельно заключать займы, выпускать облигации. Он создал также Центральную счетную палату³⁶. Но практически все эти меры дали очень мало. Осведомленный Мордтман через несколько лет констатировал: «Бюджет ныне давно похоронен, остались лишь одни долги. Мы очень хорошо знаем, что при нынешнем беспорядке в государственных расходах еще долгие годы нельзя будет и говорить о бюджете»³⁷.

Полным провалом закончились попытки Фуад-паши навести экономию в расходовании государственных средств. Он прибег к массовому изъятию в пользу казны серебряной и золотой посуды и утвари, намереваясь переплавить их в монеты; он даже получил на это фетву шейх уль-ислама. Однако Абдул Азиз потребовал от Фуад-паши, чтобы эта мера не распространялась на двор. «Как это возможно,— сказал он, обращаясь к паше,— забрать домашнюю посуду у султанов? К примеру, в местах их прогулок

хранятся серебряные чаши на случай, если им захочется напиться воды; что же, и они будут изъяты?»³⁸.

Фуад-паша значительно, уменьшил жалование государственным чиновникам. Даже сумму месячных расходов самого султана он сократил до 5 тыс. кесе; снижены ассигнования и на содержание принцев. Некоторые должности были упразднены. Были увеличены требования к провинциальным администраторам, начиная с вали и ниже, касавшиеся размера отчислений в пользу казны³⁹. Однако все эти меры экономии саботировались верхами турецкого общества и чиновниками.

В то же время Фуад-паша, подобно своим предшественникам, ввел новые налоги, которые всей своей тяжестью пали на широкие массы налогоплательщиков, прежде и больше всего на крестьянство. Курьезно, что в правительстве господствовало убеждение, что население Османской империи платит меньше налогов, чем в Англии и Франции: там считали, что на каждого жителя империи приходилось 45 курушей (пиастров) налогов в год, в Англии — 300, а во Франции — 250. Огромную же разницу в доходах налогоплательщиков в Турции и в упомянутых странах Фуад-паша и его единомышленники по финансовому ведомству совершенно игнорировали.

Считая, что турецкие подданные обложены ниже своих возможностей, Фуад-паша ввел новые налоги — на табак, соль, производство шелка, оливкового масла и других сельскохозяйственных продуктов⁴⁰.

Эти налоги принесли огромный ущерб сельскому хозяйству и связанным с ним ремеслам и торговле. Так, налог на табак привел к прекращению табаководства в нескольких областях, где оно ранее процветало; налог на шелк вызвал упадок шелководства; налог на соль причинил большой ущерб животноводству, приводя к сокращению поступления шерсти и других продуктов животноводства на рынок и т. д. Особенно пострадали от новых налогов крестьяне, которые были недовольны заменой натуральных налогов (например, десятины) денежными.

В то же время новые налоги не оправдали надежд правительства как источник увеличения доходов казны. Между тем сама Порта в первую очередь была виновата в финансовом кризисе, так как огромные суммы, в том числе полученные по займам от западных банкиров, тратились на войны против народов, добивавшихся избавления от османского ига. Наблюдая гибельную для страны финансовую политику Фуад-паши, Мордтман пришел к такому выводу: «О введении устойчивого порядка в финансах под его, Фуад-паши, управлением нечего было и думать»⁴¹.

Фуад-паша был убежденным сторонником широкого привлечения в страну иностранного капитала и предоставления тому концессий на эксплуатацию недр, строительство дорог, учреждение банков (в их числе Оттоманского банка). Он полагал, что приток

в Турцию западного капитала будет содействовать ее экономическому росту.

Разумеется, здесь следует учитывать такой существенный фактор, как давление правительств западных держав, преимущественно Англии и Франции. Вместе с тем Фуад-паша явно опасался, что растущая экономическая зависимость от западных держав когда-нибудь приведет его страну к банкротству. Рассказывали, что французский посол однажды выразил великому везиру недовольство запустением, царившим в дорожном строительстве, а также беспорядком в государственных финансах. Остроумный паша, прибегнув к игре слов, ответил послу по-французски: «Attendez un peu, Excellence, nous aurons l'un et l'autre, des banques et des routes, enfin la banqueroutel!» («Подождите немного, ваше превосходительство, будут у нас и то и другое, и банки и дороги, а в конце концов и банкротство!») ⁴².

В то время как Порта задыхалась в тисках финансового кризиса и вынуждена была выпрашивать у западных банкиров займы на крайне невыгодных и унижительных условиях, в стране имелись обильные источники дохода — вакуфы, но собранными благодаря им огромными богатствами распоряжалось не правительство, а высшее мусульманское духовенство. Попытки предыдущих султанов прибрать, хотя бы частично, эти доходы к рукам встречали не только со стороны улемов, но и широких масс мусульман упорное сопротивление, и власти в конце концов были вынуждены отступить.

Так произошло и в правление дуумвирата, который сделал было попытку обратить часть доходов вакуфов в пользу государственной казны. Так, в 1867 г. великим везиром был издан указ, изменивший порядок наследования вакуфов. До этого право владения вакуфами могло переходить по наследству лишь по прямой линии от отца или матери к детям, но уже внуки таким правом не пользовались. Если не было детей, завещанное имущество вакуфа переходило к тому религиозному учреждению, в ведении которого оно находилось. Новый указ продлил право наследования вакуфа до седьмого колена включительно. В случае снижения государственных доходов указ разрешал обложить владельцев вакуфов единовременным налогом в размере 15% их доходов, с рассрочкой его уплаты на пять лет.

Но этот указ, как и ряд других, изданных дуумвиратом, перестал действовать после смерти обоих реформаторов — Фуад-паши (1869 г.) и Али-паши (1871 г.) ⁴³. А еще раньше, в 1869 г., когда перед Портой из-за острой нехватки средств возникла дилемма: либо объявить себя банкротом, либо вновь прибегнуть к займу. Она избрала второе ⁴⁴. Острая нужда в деньгах была вызвана огромными расходами, связанными с подавлением восстания критян, взявшихся за оружие, чтобы освободиться от ига султанской Турции.

Расходы на содержание армии и флота превышали действительные потребности. Это было вызвано безудержной коррупцией, которая охватила весь командный состав сверху донизу. «От низших чиновников, которые из доверенных им денег урывают несколько пиастров, до военного министра, который на протяжении ряда лет кладет в свой карман или делит со своими чиновниками суммы, предназначенные на выплату жалованья или экипировку целых батальонов (причем эти батальоны существуют лишь на бумаге), господствует всеобщий грабёж», — писал Мордтман⁴⁵.

Но такое же казнокрадство царило во всем государственном аппарате, в особенности в тех его звеньях, которые были связаны с финансами, в частности с обменом каймэ. Так, одному иностранному банку, который был уполномочен производить операции по погашению каймэ, предъявлялись к обмену непронумерованные каймэ. Проверить такие бумажные деньги было невозможно, и банк отказался принимать их в качестве средства платежа, а затем и к обмену. Последовали длительные переговоры в министерстве финансов Турции, после которых банк согласился признать эти, несомненно фальшивые деньги. Разумеется, все это делалось с ведома и при участии самого министерства⁴⁶.

Все неудачи и промахи политики правительства использовались реакционерами для того, чтобы дискредитировать дуумвират и устранить обоих реформаторов от власти. Интриги близких к Абдул Азизу лиц, обострение отношений между капризным султаном и его великим везиром Фуад-пашой привели, наконец, к отставке последнего в июне 1866 г. Правда, под давлением послов западных держав султан оказался вынужденным летом 1867 г. вернуть Фуад-пашу в правительство, но уже в качестве только министра иностранных дел.

Деятельность дуумвирата подвергалась резкой критике со стороны не только консерваторов и реакционеров, но и радикальных групп, представленных тогда «новыми османами» и другими лицами из постепенно формировавшейся турецкой интеллигенции, среди которых преобладали писатели и журналисты. Тон в этой критике задавали руководители «новых османов» во главе с Намыком Кемалем. Во многих статьях, опубликованных в их органе «Хюрийет» («Свобода») в 1868 г., Намык Кемаль и его единомышленники высказывали мнение, что Али-паша и Фуад-паша проводят в жизнь поверхностные и ограниченные реформы, неспособные устранить царящие в стране хаос и произвол. Реформаторов упрекали в том, что они саботируют проведение в жизнь принципов Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., выработанных их учителем идеологом Танзимата Мустафой Решид-пашой, и заботятся главным образом о личных интересах.

Дуумвирату вменялось, в частности, в вину хаотическое состояние экономики: кризис государственных финансов, плачевное по-

ложение сельского хозяйства и упадок промышленности, вызванный, по мнению «новых османов», свободным доступом на турецкий рынок товаров из развитых промышленных стран.

Особый акцент критики делали на внешней политике дуумвирата. Они обвиняли Али-пашу и Фуад-пашу в уступчивости иностранным державам, а также христианским подданным Турции; в результате, по их мнению, послушно исполняя указания этих держав, паши довели Османскую империю до того, что она утратила свою независимость и стабильность.

Намык Кемаль и другие видные «новые османы» требовали проведения радикальных реформ, направленных против султанского абсолютизма, гарантирующих проведение в жизнь принципов, провозглашенных Гюльханейским хаттом, хатт-и хумаюном 1856 г. и другими правовыми актами о реформах. Среди радикальных реформ, которых требовали «новые османы», на первое место они выдвигали изменение государственного строя путем превращения Турции из страны, где господствует султанский абсолютизм, в конституционную монархию с парламентом западного типа ⁴⁷.

В критике «новых османов» государственной деятельности Али-паши и Фуад-паши было много верного и справедливого. Однако при этом следует иметь в виду, что в стране еще крайне слабы были классовые и политические силы, которые могли бы служить опорой в борьбе за радикальные реформы. Что касается требования установить в империи строй конституционной монархии, то такой строй был установлен в стране уже через восемь лет конституцией 1876 г., а через несколько месяцев, 19 марта 1877 г., состоялось открытие первого в истории Турции парламента. Но уже менее чем через год (в феврале 1878 г.) парламент был разогнан султаном Абдул Хамидом, а конституция положена под сукно. Она была восстановлена лишь через 30 лет младотурецкой революцией.

Таким образом, в то время когда «новые османы» выдвигали радикальное требование о замене в Турции строя султанского абсолютизма конституционно-монархическим, абсолютисты были еще сильнее небольшой группы конституционалистов, идеи которых не имели сильной классовой опоры в турецкой среде, и, что особенно важно, в армии.

Как было сказано выше, Фуад-паша проявил себя как крупный турецкий дипломат своего времени. Пять раз он был министром иностранных дел и в течение пяти лет великим везиром. Вместе с Али-пашой он осуществлял внешнюю политику Порты, представлял свою страну на международных конференциях, возглавлял ряд дипломатических миссий в европейские страны, был послом в Англии и Франции. В качестве дипломата он пользовался признанием и авторитетом среди своих иностранных коллег.

Фуад-паша умер в Ницце 12 февраля 1869 г. Похоронен в Стамбуле⁴⁸.

¹ А. Д. Новичев. История Турции. Т. III. Л., 1973; т. IV, 1978; он же. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (Танзимата) в 50—70 гг. XIX в.—«Вестник ЛГУ». 1977, № 8, с. 56—64.

² I. Danişmend. İzahlı osmanlı tarih kronolojisi. T. IV. İstanbul, 1961, с. 129.

³ M. K. Inal. Osmanlı devrinde son sadriazamlar. İstanbul, 1956, с. 170, 171, 174.

⁴ R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire 1856—1876. Princeton, 1963, с. 87.

⁵ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum. T. 2. Lpz., 1878, с. 159—160.

⁶ R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire..., с. 87.

⁷ F. Millingen (Osman Seify Bey). La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz. 1862—1867. P., 1868, с. 373.

⁸ Cevdet Paşa. Tezakir, № 17. İstanbul, 1953, с. 85.

⁹ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VII. İstanbul, 1956, с. 129.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 128; M. K. Inal. Osmanlı devrinde son sadriazamlar, с. 129.

¹² E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 128.

¹³ R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire, с. 90.

¹⁴ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, с. 161.

¹⁵ O. F. Köprülü. Fuad-Paşa.—İslâm ansiklopedisi. T. 2, с. 675.

¹⁶ Там же, с. 676.

¹⁷ [L. Thouvenel]. Trois années de la Question d'Orient, 1856—1859. D'après les papiers inédits de M. Thouvenel par L. Thouvenel. P., 1897, с. 262—267.

¹⁸ «Русская мысль». 1896. Кн. XI, с. 188—197.

¹⁹ Подробно об этом см. в статье: R. H. Davison. The Question of Fuad Paşa's «Political Testament».—«Belleten». Ankara, 1959, № 89, с. 119—136.

²⁰ Здесь и ниже: «Русская мысль». 1896. Кн. XI, с. 188—197.

²¹ Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874).—«Известия Министерства иностранных дел». 1914. Кн. III. Отдел VII, с. 98.

²² Там же, с. 98.

²³ В. И. Ленин. Как не следует писать резолюций.—Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 107.

²⁴ Наши обобщенные выводы об итогах Танзимата см. в кн.: История Турции. Т. IV, с. 257—260.

^{24a} Записки графа Н. П. Игнатьева, с. 95.

²⁵ А. Д. Новичев. История Турции. Т. IV, с. 106.

²⁶ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, с. 159.

²⁷ Там же.

²⁸ Весной 1862 г. Порта обрушилась войной на Черногорию за военную поддержку восстанию в Герцеговине. Пользуясь многократным превосходством в численности и вооружении своих войск, Турция одержала победу, но вынуждена была уступить коллективному давлению держав и заключить с Черногорией мир (в августе 1862 г., когда великим везиром был Фуад-паша).

²⁹ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, с. 161.

³⁰ Там же, с. 169; F. Millingen. La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz, с. 329.

³¹ Orhan Aldıkaktı. Anayasa hukumuzun gelişmesi ve 1961 Anayasası. T. I. İstanbul, 1968, с. 81—84.

³² [A. D. Mordtmann]. Stambul und Moderne Türkenthum, с. 173.

³³ O. F. Köprülü. Fuad Paşa, с. 677.

³⁴ F. Millingen. La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz, с. 284.

- ³⁵ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 225—226.
³⁶ Там же, с. 226.
³⁷ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 163.
³⁸ Там же.
³⁹ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 227.
⁴⁰ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 163.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же, с. 161.
⁴³ Там же, с. 170, 195—196.
⁴⁴ E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 236.
⁴⁵ [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 188.
⁴⁶ Там же, с. 192.
⁴⁷ Kenan Akyüz. Les jeunes turcs et les reformes dites du Tanzimat.—Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963, с. 486—489; İhsan Sungu. Tanzimat ve Yeni Osmanlılar.—«Tanzimat». İstanbul, 1940, с. 119—197.
⁴⁸ O. F. Köprülü. Fuad Paşa, с. 678.